

*А.В.Гордон,
доктор исторических наук,
ИНИОН РАН*

Проблема цивилизационного самоопределения России

Выявляющаяся в периодических кризисах национального самосознания цивилизационная проблема имеет объективной основой культурное многообразие России. Несмотря на то, что эта реальность в принципе признается, в истории и современной идейно-политической жизни страны мы сталкиваемся с навязчивым противопоставлением одних сторон культурного мира России, ее цивилизационных ипостасей другим. Что же превращает цивилизационную проблему в источник "трагического расщепления русского духа"?¹

¹ *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1922. С. 146.

Красочное и ироничное изображение этих кризисов среди верхов российского общества принадлежит перу В. О. Ключевского "В продолжение двухсот лет с тех пор, как мы стали сблизиться с Западной Европой, воспитываемый ее влиянием класс русского общества не раз переживал странные кризисы. Вообще этот класс ведет себя спокойно, помышляя о себе совсем не высоко, учится, читая европейские книжки, скорбит о своей отсталости и хотя любит свое Отечество, но не любит говорить о том. Но от времени до времени на него находит какая-то волна вдруг он закроет свои учебники и, высоко подняв голову, начинает думать, что мы вовсе не отстали, а идем своею дорогою, что Россия сама по себе, а Европа сама по себе, и мы можем обойтись без ее наук и искусств своими замороженными средствами. Этот прилив патриотизма и тоски по самобытности так могущественно захватывает наше общество, что мы, обыкновенно довольно неразборчивые поклонники Европы, начинаем чувствовать какое-то озлобление против всего европейского и проникаемся безотчетной верой в необъятные силы своего народа" (*Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 17.*)

Очевидно, враждебность западных держав, подозрительность европейского общественного мнения, международная изоляция создают неблагоприятный контекст для взаимодействия культур. И в этих ситуациях, чаще всего, выдвигаются жесткие установки на отторжение европейской традиции как инородной для России. Однако следует задуматься об энтузиазме, который вызывало военно-политическое противостояние Западной Европе у радикальных идеологов российской самобытности. Именно с конфронтацией связывали они утверждение в национальном сознании своих подходов¹.

Существуют, несомненно, более глубинные, внутренние предпосылки, превращающие европейскую традицию из "культурного средства" в "патологический симптом" и "источник болезненного возбуждения"². Напрашиваются соображения о чувстве национального достоинства, которое оскорбляет принудительное и безоглядное заимствование под декламированием превосходства европейской цивилизованности над "азиатчиной" и "варварством" патриархальной Руси. Но было ли спецификой страны пренебрежительное отношение к традиционной культуре? Можно сослаться на общий характер цивилизации Нового времени, которая и в своих европейских очагах относилась к культурным традициям не менее безжа-

¹ "Борьба с Европою (или, по крайней мере, со значительнейшей частью ее) неизбежна из-за Восточного вопроса, то есть из-за свободы и независимости славян, из-за обладания Царь-градом, — из-за всего того, что, по мнению Европы, составляет предмет незаконного честолюбия России, а по мнению каждого русского, достойного этого имени, есть необходимое требование ее исторического призвания". Констатируя это, Н. Я. Данилевский утверждает: "Самый процесс этой борьбы, а не одни только ее желанные результаты считаем мы спасительными и благодетельными, ибо только эта борьба может отрезать мысль нашу, поднять во всех слоях нашего общества народный дух, погрязший в подражательности, в поклонении чужому, зараженный тем крайне опасным недугом, который мы назвали европейничаньем" (*Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культуру и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995. С. 369—370.*)

² *Ключевский В. О. Указ. соч. С. 19.*

лостно, трактуя устами своих идеологов народные обычаи, будь то в Европе или Азии, как "фанатизм", "дикость" и "варварство"¹.

Вопрос в другом. Почему духовная жизнь России на протяжении трех веков протекает между крайностями европеизма и самобытствования? Почему приверженцы крайних тенденций столь настойчиво и бескомпромиссно добиваются исключительного права представлять и просвещать Россию, с высокомерным пренебрежением или беспощадной враждебностью относясь не только к антиподам, но и к параллельным для себя идейным течениям, иным толкам европеизма и самобытствования, не допуская какого-либо иного толкования цивилизационного характера России, кроме своего собственного?

Стоит, я думаю, обратить внимание на общие условия, *препятствующие полноценному утверждению культурного многообразия*. Историческая сращенность государства и духовной сферы проявляется, с одной стороны, в стремлении государственной власти использовать культурный униформизм для решения своих задач управления обществом, а с другой — в усилиях различных политических сил добиться унификации духовной сферы для контроля над государственной властью.

XVIII в. прошел в форсированном, побуждаемом сверху приобщении России к формировавшейся в Западной Европе цивилизации Нового времени. Екатерина II убежденно заявляла: "Россия есть европейская держава". И в доказательство ссылалась на успех петровских преобразований: "Вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал"². Распространявшиеся в ее царствование, особенно после начала Французской революции, идеи самобытного развития России сводились в основном к поиску оптимального пути приобщения страны к возникшим в Западной Европе цивилизационным формам.

Положение изменилось в XIX в. Набиравшему силу национальному самосознанию становилось тесно в европейских рамках как географических, так и культурно-исторических. Новую своего рода национальную программу провозгласил, ссылаясь на "византийское Преемство", Ф.И.Тютчев в произведении "Русская география": "От Нила до Невы, от Эльбы до Китая, // От Волги до Евфрата, от Ганга до Дуная // Вот царство русское и не преидет вовек, // Как то провидел Дух и Даниил предрек"³. Постепенно возобладали мне-

¹ См.: Гордон А.В. Цивилизация Нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII—XX вв). М., 1998. С. 43—69.

² Екатерина II. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д.Чечулина. СПб., 1907. С. 2—3.

³ Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987. С. 152.

ния, что Россия — "целая часть света"¹ с особой цивилизацией. При этом в отстаивании цивилизационной особенности России наметились три направления, акцентировавшие тот или иной аспект: конфессионально-государственный в духе "православия—самодержавия—народности" ("византинисты", "почвенники"), этнокультурный (панслависты), геополитический ("евразийцы").

Общая для этих направлений общественной мысли вера в высокое предназначение страны доходила до убеждения, что Россия являет тип цивилизации "высший, самый лучший и полный"² и призвана спасти все человечество от атеизма, капитализма и социализма Запада. Мессианские предвкусения были в какой-то мере присущи и "русскому социализму" народнических кругов вместе с установкой на особый путь развития страны.

XX в. вначале восстановил преобладание европейской традиции. Октябрьская революция для своей культурно-исторической легитимации заимствовала образы, символы, понятия Французской революции, широко использовала революционную, социалистическую и демократическую традицию Европы. С провозглашением "социализма в одной стране" и спуском железного занавеса гегемония вновь перешла к российской "особости", в которой был отсечен конфессиональный аспект, а этнокультурный сращен с геополитическим. Во главу угла было поставлено положение, что страна победившего социализма являет высший тип цивилизации и все человечество ради своего прогресса должно присоединиться к обновленной России (как Союзу советских и социалистических республик). Вторая половина века воспроизводит динамику первой: "национальная идея" в конце 90-х годов теснит идеологему "европейского дома", распространявшуюся с 60-х годов.

Цивилизационный выбор, как и изначально, оставался в России в XVIII—XX вв. выбором верхов, прерогативой государственной власти. При ее постоянной озабоченности, чтобы политическая воля была укреплена иерархией разделяемых обществом культурных ценностей, разворот государственного корабля обыкновенно сопровождался вторжением в духовную сферу. Ревизия господствующей культурной традиции, тем более смена ее, оборачивалась подавлением отклонений и противотечений в духовной жизни, а то и репрессированием их приверженцев. Петр I продолжил эту практику Московского царства; в XIX в. можно вспомнить 1826 г.; но особенно богатым трагическими изломами оказался XX в.: 1917, 1937, 1948 гг. Цивилизационный вопрос решался как вопрос о власти, о характере управления обществом, о направлении (путях) развития страны.

¹ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1971. С. 6.

² См.: Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. М., 1989 С. 337.

Общественные круги, как и правителей, редко устраивало состояние страны; национальное самоопределение "кто мы" становилось национальной задачей — "кем быть" (а также "не быть") России. С введением в цивилизационное определение категории нравственного долженствования настоящее отвергается в пользу умозрительного будущего или романтизированного прошлого. Многосторонность бытия растворяется в абсолютизации отдельных его сторон. Недоверию к спонтанным движениям общественной жизни сопутствует стремление к ее жесткому регулированию. Искомый общественный порядок мыслится как внедрение выношенных ("выстрадаанных") идеалов.

Критика отрыва идеологии от исторической действительности обычно сосредоточивается на революционных программах. Между тем консервативная мысль под знаменем возрождения самобытных традиций также радикально реконструировала российскую действительность. Истолковывая характер народной веры в духе доктринального вероучения, авторы мессианских определений российской цивилизации серьезно преувеличивали воцерковленность русского народа. С осознанием "неправды религиозного народничества"¹ приходило восприятие трагического разлада с действительностью — затаенный, как у Ф.И.Тютчева и Ф.М.Достоевского, или откровенный² скепсис, придававший необычайную силу эсхатологическим ощущениям.

Эсхатологизм и его нерелигиозная разновидность — катастрофизм — оказались неустранимыми и даже желанными спутниками в решении цивилизационной проблемы. Чтобы подчинить органику национального бытия, идеальный проект должен был стать абсолютной ценностью для общества. Вопрос "кем быть" возводится на предельную эсхатологическую высоту "быть или не быть" России. Цивилизационное самоопределение предстает проблемой национального спасения. Добывающаяся лидерства политическая сила предрекает катастрофу, если страна не поддержит ее проект, и в самых апокалиптических тонах изображает себя единственной спасительницей России, способной навсегда разрешить ее проблемы.

В действительности цивилизационная проблема России не имеет окончательного определения. Каждое поколение будет рассматривать ее в новом культурном аспекте, каждый исторический этап будет добавлять новые черты. Зрелость государственной власти, инстинкт самосохранения политического класса, интеллекту-

¹ Флоровский Г.В. Пути русского богословия // Русская идея. Т. 2. М., 1994. С. 164.

² Характерно суждение Н.А. Бердяева о Константине Леонтьеве: "Он никогда не верил в русский народ и оригинальных результатов он ждал совсем не от русского народа, а от навязанных ему сверху византийских начал" (Бердяев Н. А. Указ.соч. С. 206).

альность и мудрость духовных наставников могут обеспечить цивилизованные рамки этого определения. Главное — преодолеть разрушительные для общества и самоубийственные для российской культуры тенденции: верхушечный выбор, навязывание унитарности, подавление неугодных цивилизационных ипостасей. Все в конечном счете зависит от восприятия обществом и его элитой того факта, что исторически сложившееся многообразие страны — это уникальная ценность, как бы оно ни усложняло проблемы управления, идейно-политическую жизнь, процесс национального самоосознания.